

Многие его ранние описания стали «крылатыми». «Хочу харчо!», например. Или пародийная сценка: «Здесь, в кустах, случайно стоит рояль, я сыграю вам на нем «Полонез Огинского». А теперь ГОРИН пишет замечательные пьесы и киносценарии, выпустил несколько книг. И еще он - один из ведущих телевизионного клуба «Белый попугай».

улыбка

ГОРИН: Григорий СБЕЖАЛ

С СОБСТВЕННОЙ СВАДЬБЫ

ГРИГОРИЙ:
стопами
Мюнхгаузена

Мюнхгаузен - это немножко я

— Сами себя кем считаете, Григорий Израилевич, — сатириком, юмористом? — Драматургом. Все остальные клички как бы снижают критерий оценки: ну, сатирик, что с него взять!

— И как пришли к этой профессии?

— Для начала родился — в Москве, в нормальной советской семье. Неплохо учился в школе. Но почему-то, когда у человека не очень хорошо с дикцией, его тянет много говорить. Вот и я с детства что-то рассказывал ребятам, придумывал продолжения известных книг. Например, новые приключения графа Монте-Кристо, которого забросили к нам... на дирижабле. Заливал, словом. Потом стал писать басни, фельетоны.

— Почему же поступили не в литературный институт, а в медицинский?

— По примеру многих писателей! И даже работал на «скорой помощи». Защитной реакцией на жестокую прозу жизни стали мои рассказы. А когда пошли пьесы, понял, что «параллельно» больше не могу, и ушел в литературу. Наша старая с Аркадием шутка: не знаю, что приобрела литература, но медицина точно ничего не потеряла. Еще люблю говорить так: Чехов очень гордился тем, что он врач, и медицину называл своей женой, а литературу — любовницей. Но в наш век любовницы часто становятся законными женами. Вот и в моей жизни так произошло.

— Ваш любимый жанр — притча. Почему?

— В притче ты как бы один на один со временем, как в космосе летаешь. Конечно, свои воздушные ямы есть, зато живешь сразу в двух измерениях. Знаешь: Мюнхгаузен — это немножко и про меня. Тяни себя из болота за волосы, взлети над собой, отправься на Луну!

— Сюжеты откуда берете?

— По молодости черпал из жизни и даже записывал. А сейчас — из истории, литературы. Юрий Олеши говорил, что есть писатели — списыватели, наблюдающие за жизнью и воспроизводящие ее, а есть — выдумыватели. Так вот я — выдумыватель. И о том же бароне Мюнхгаузене, Тиле или Монте-Кристо с Капулетти я знаю гораздо больше, чем о соседях по дому, потому что мир фантазии для меня абсолютно реален. Но это нормально. Как в анекдоте: человека спрашивают, где он собирается отдыхать. Тот отвечает: «В Санта-Барбаре». — «Почему?» — «Я там всех знаю».

— Помнится, к вашему творчеству цензура была строга?

— Я долго был «невъездной», запрещали книги, фильмы, спектакли. Но это входило в правила игры. По слухам, в «Борисе Годунове» финальная фраза «Народ безмолвствует» тоже была вписана цензором. У Пушкина в черновике стояло, что народ кричит: «Да здравствует царь Дмитрий!» А ему на это — нельзя, самозванец все-таки. И когда мучили наш с Рязановым фильм «О бедном гусаре замолвите слово», я Эльдару говорил: «Ну а что ты хотел? Создать неострую картину? Или показать, что это все про КГБ, а не про Третье отделение так, чтобы никто не понял?» Сатирик — всегда человек, идущий по проволоке под куполом цирка, риск входит в профессию. Не нравится — занимайся другим жанром.

ЖЕНА ЛЮБА: «редактирует» Горина уже 30 лет

Люблю анекдоты и розыгрыши

— Ваши герои даже в трудных ситуациях не изменяют себе. А вы?

— Быть собой — самое трудное в жизни. Знаете, есть старый еврейский анекдот про местечкового портного, которого звали Шапиро. Он был философом и таким умным, что люди говорили: «Почему ты не пишешь книги, ты бы стал, как Эйнштейн!» Портной ответил: «Когда я встречаюсь с Богом, он не спрашивает меня, почему я не стал Эйнштейном. Он спросит: «Почему ты перестал быть Шапиро?» Думаю, тот главный «режиссер», который сочинил все наши человеческие комедии, с неба наблюдает за нами и видит: тот справился, вот тот — впал в отчаяние, обнаружив, что играет чужую роль. Но исправлять все это должны мы сами. Мой рецепт: будь тем, кто ты есть, и не превращайся в лягушку, которая хочет раздуться до величины слона.

— В жизни вы шутник?

Из-под пера Григория ГОРИНА вышли сценарии к популярным фильмам: «ТОТ САМЫЙ МЮНХГАУЗЕН», «ФОРМУЛА ЛЮБВИ», «ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ СВИФТ»

— Я — человек довольно мрачноватый. Но когда собирается своя компания и есть настроение, люблю рассказывать анекдоты. Один особенно нравится. По пустыне идут американец, немец и русский, жара страшная. Русский открывает припасенную четвертинку, оттуда — джинн: «Я, конечно, маленький, из четвертинки, и все-таки какие будут желания?» Американец сразу говорит: «Миллион долларов, я — на Майами и блондинка напротив!» И исчезает. Немец: «Миллион марок, дом под Мюнхеном и квартиру пива!» И тоже исчезает. Русский смотрит: «Да что ж такое, только сели! Значит, так — еще одну бутылку, закуску и тех двоих вернуть!» Вот это мне симпатичнее всего — порадоваться минуте общения.

— Слышала, вы розыгрыши любите?

— Раньше любил. У нас хорошая компания была: Андрей Миронов, Марк Захаров, Шура Ширвиндт — такой маленький дружелюбный островок, обитать на котором было весело. Сейчас, к сожалению, старше стали, иных уж нет... И потом, как говорит Ширвиндт, друзьями надо заниматься. Просто подарить подарок на день рождения — это половина дела, а вот придумать что-то... Я стараюсь придумывать, потому и выступаю так часто на юбилеях. Иногда проклинаешь себя — не работаешь, а пишешь какую-то бумажку, которую выкинешь сразу после выступления. Но куда не денешься.

К трубке приучил Ширвиндт

— Раньше вы обожали курить трубку. Сейчас бросили?

— Просто у меня — особая форма курения: бросаю и начинаю снова. Все началось с легкой руки Ширвиндта. Шура — не просто классический «трубочник», он — поэт трубки. От него я узнал, что трубку надо долго обкуривать, чтобы она стала как бы частью тебя, нельзя курить все время одну — надо давать ей отдых. Так

что поневоле обзавелся целой коллекцией. Это очень удобно для друзей: не надо долго думать, что подарить. У меня есть трубки от Говорухина, Ярмольника, Янковского, какие-то Ширвиндт дал на правах учителя вместе с табаком и ершиками.

— 12 марта вам исполнится шестьдесят. Как отметите юбилей?

— Улетаю в Сан-Франциско к отцу, которому уже девяносто пять. Он у меня фронтовик, прошел всю войну. А в семидесять семь лет уехал в Штаты, чтобы повидать дочь, внуков. Это была вторая его встреча с границей после сорока пяти лет, когда он брал Берлин. И в Америке отец остается абсолютно советским человеком: такой старый ветеран, орден — до колен. Сидит на берегу океана или в парке за домино с другими стариками и чиховит все, что происходит и у нас, и в Штатах. Говорит: и тут дерьмо, и там дерьмо, все зависит от человека — либо влезаешь по уши, либо стараешься ступать на незагаженные места. Хотя душой отец, конечно, в тех Кузьминках, где прошла его жизнь. Свою квартиру в хрущевском доме он просто подарил государству. Начальник ждал за ним бегал, уговаривал поменяться с кем-то за деньги. Но папа был принципиален: «Квартиру я получил бесплатно, бесплатно и верну». Он правильно сделал.

Свой юбилей сделал заранее

— А как же ваши юбилейные телепроекты?

— Сделал все заранее. ОРТ покажет мой вечер в концертной студии «Останкино». Я там рассказываю о себе, принимаю гостей. Композитор Алексей Рыбников, например, целый оркестр и хор с собой привел, чтобы исполнить фрагмент нашей новой оперы о самом первом русском композиторе с модной нынче фамилией «Березовский». Это совместный проект «Ленкома» и Большого театра. Канал «Культура» готовит фильм «Тот самый Горин, или Десять лет спустя», который снимали во время циркового представления «Возвращение Мюнхгаузена». Еще друзья знают, что я — заядлый рыбак. Поэтому клуб «Белый попугай» устроил мне зимнюю рыбалку на подмосковных озерах, а в «Смаке» у Андрея Макаревича мне пришлось варить уху.

— Как жена относится к «юбилейному» бегству в Америку?

— С пониманием: считает, что ее достигший зрелого возраста муж ведет себя вполне разумно. Любе не привыкать: мы с ней даже с собственной свадьбы сбежали. Накрыли стол, позвали гостей, подняли тост, поцеловались под «Горько!». Дальше гости остались, а мы улетели в Таллин. И сейчас в Сан-Франциско отправляемся вместе. Мы рядом тридцать лет уже прожили, так что приспособились друг к другу. Люба по профессии — редактор, долго работала в кино. И мне она очень помогает: видит все мои недостатки и пытается их сгладить.

— Есть подарок, о котором вы мечтаете?

— Есть, но получу его с опозданием. Марк Захаров репетирует в «Ленкоме» мою пьесу «Шут Балакирев» — о любимом шуте Петра Первого. В главных ролях — Олег Янковский, Николай Караченцов, Александр Збруев, Александра Захарова, так что премьеры жду с нетерпением!

У юбиляра гостила
Татьяна ИСКАНЦЕВА

День	ТВЦ
Воскресенье	
«ГРАНИ»	
Вечер	РТР
Четверг	
«КЛУБ «БЕЛЫЙ ПОПУГАЙ»	